

© 2011 г. Н.С. Пичко

УДК 316.7

ОБРАЗЫ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЗНАНИИ

Рассматривая историю культуры, мы видим прежде всего, что это – огромное разнообразие культурных явлений, типов, бесконечная совокупность *образов культуры*. Образы культуры – фрагменты истории тех или иных типов сознания, аспекты явлений, культурные эпизоды, иными словами, вся сумма феноменов, которые можно рассматривать в качестве целостностей. Среди них выделяются культурно-исторические типы, крупнейшие эпохи в истории культуры или представительные региональные образования. Таковыми являются, например, русская культура конца XIX – начала XX в., современная латиноамериканская литература, европейское Средневековье, эпоха Просвещения, Романтизм. История культуры – менее всего академическая дисциплина. Поскольку культура – единство материального и духовного, она всегда что-то говорит нам. Прошлое объясняет современность, современность диктует глубину и масштаб постижения истории. Именно поэтому исторические эпохи, подобно великим художникам, ученым и философам, живут вместе с нами, изменяя иногда до неузнаваемости свое содержание. Одна эпоха не понимает другую. Глухота просветительской идеологии к Средневековью – характерный историко-культурный факт.

Интерес современного сознания к истории культуры не случаен; одни эпохи ничего не говорят нашему сердцу, другие приобретают особое значение. В последние десятилетия все большее внимание привлекает Античность. Вышло и продолжает выходить огромное количество научной литературы. Интерес этот не случаен, пишут авторы одной из недавних книг, так как нити, связывающие современную культуру с античной, не только не ослабевают, но все более укрепляются. Меняющийся в исторической перспективе образ античности вызывает живой интерес у человека XX в. выявившимися в ней еще в древние времена общечеловеческими культурными ценностями.

Одно из ведущих мест в отечественном исследовании Античности принадлежит трудам выдающегося ученого Алексея Федоровича Лосева. Итог его работам подводит грандиозная «История античной эстетики», рассчитанная на 8 томов. Лосев открыл целый мир античной культуры с ее проблемами и конфликтами, с ее эстетическими и философскими идеями, глубочайшим общечеловеческим смыслом. Сократ, Платон, Аристотель, неоплатоники – весь этот культурный мир предстал перед нами как полноправный участник современного духовного процесса.

Значение Античности растет. Древняя Греция и Древний Рим – начало европейской цивилизации (хотя и не единственное) – эта истина стала традиционной. Но сегодня гораздо современнее звучат сюжеты античной культуры. Заново осмысляем мы гениальные философские прозрения Платона. Вновь продумываем далеко не устаревшую логику и психологию Аристотеля. Обретают первоначальную значимость художественные искания древних. Безграничен фонд идей Античности, относящихся к воспитанию. Конечно, идея единства (скажем рельефней тождества) телесного и духовного формирования человека принадлежит к основным исходным посылкам нашей педагогической философии, но конкретных путей осуществления такого формирования мы не знаем – Древняя Греция на своем уровне цивилизации дает тут богатейший опыт.

Начало всегда зовет взглянуть в себя, попытаться понять глубже, переосмыслить. Древнегреческая диалектика – уникальный духовный пласт, школа которого незаменима. Когда мы говорим о нравственных исканиях древних, на память приходит колоссальная фигура Сократа. Сократ, как это сейчас стало, наконец, ясно, – наш союзник по борьбе с пошлостью, бездуховностью, бесчестием, со всеми видами разрушения связи между словом и делом. В полную силу зазвучала тема «Сократ и мы» [1]. Живет античная идея целостности культуры, осуществленная, разумеется, на том уровне, на каком это было возможно, и на очень ограниченном пространстве. Мир, собранный вокруг Единого, Космос как целое в противоположность Хаосу, целостное понимание человека в единстве его разума, воли, эмоций. В современной культуре и сегодняшнем образовании, потерявшем классическую целостность, отражающем мозаичность и внутреннюю противоречивость цивили-

лизации XX века, эти идеи не только обретают новую актуальность, но и становятся смысловым центром наших исканий.

Привлекает пристальное внимание античная наука. Казалось бы, уж как далеко ушли мы от древнегреческого естествознания – по сравнению с наукой XX века оно должно выглядеть исчезающе малой величиной! Но дело обстоит наоборот. Идеи античного естествознания в синтезе с философскими прозрениями, активно обсуждаются в современной науке, возниц кают самые поразительные параллели, мысль древних «работает» в современной культуре. И касается это самых современных областей, связанных с сегодняшними вопросами «эпохи научно-технической революции»: атомистика и космос, эволюция идеи природы и экологии, эстетическое и «сциентистское» сознание, проблема трансформации научных парадигм... [2]. Вот только один характерный пример, связанный с атомистикой Платона. «На протяжении многих столетий она оставалась в стороне от основных направлений развития естественных наук и большинством исследователей рассматривалась как курьезное спекулятивное построение, как парадокс, не заслуживающий серьезного внимания и дальнейшей разработки. Пожалуй, только в наше время, в эпоху крушения классической науки, мы начинаем осознавать всю пронизательность и глубину мысли Платона-физика. Не случайно именно физики (в частности, Гейзенберг) проявляют за последнее время такой живой интерес к теории материи Платона, находя в ней черты, близкие духу науки XX в.» [3].

Сам образ Античности за последние два столетия качественно изменился. Она совсем не выглядит сегодня такой, какой виделась Винкельману: воплощением «благородной простоты и спокойного величия». Эпоха Античности противоречива и драматична: сама древнегреческая гармония, воплощенная в искусстве, философии и эстетике, есть скорее стремление к гармонии, ибо возникает она из недр хаоса. Говоря, например, о мифологии, С. С. Аверинцев пишет: «Для нас после всех открытий последних ста лет заведомо невыносима филистерская эстетизация греческого мифа. Нет, греческий миф совсем не «красив» и не «благороден» в том смысле, в котором употреблял эти слова классицист XIX века. Здесь точно такой же избыток зверской жестокости, щемящего страха, гротескной непристойности, как и во всякой невыдуманной мифологии. За каждой «солнечной», «жизнеутверждающей», «пластичной» картиной греческого мифа открываются темные и пугающие глубины» [4].

Проблема мифа приобретает новые краски и очертания на материале античной культуры. Античность выростала из мифа, но не из того мифа, который рассказывают, а из того, в котором живут. Предстоит еще в полной мере осмыслить тот факт, что мифология – материнское лоно практических и теоретических форм человеческой деятельности и человеческого сознания. Для этого ее нужно не просто «знать» – надо «вжиться» в весь этот необычный мир первоначальных форм мировоззрения, так не похожий на современный. Непохожесть типов культуры друг на друга, контрастные смысловые миры – вот то, что препятствует познанию других культур и одновременно указывает единственный путь к уразумению их сущности. Постижение других культур в их своеобразности – результат обогащения современного исторического сознания. Это относится, в частности, к Средневековью, открытие которого, начавшееся еще с немецких романтиков, по-настоящему состоялось в XX веке. Интерпретация Средних веков как эпохи упадка, «провала» в истории человечества, конечно же, связана с определенным (и весьма ограниченным!) способом оценок, качеством оценивающего сознания. Господство церкви и религиозной идеологии в Средние века – факт бесспорный, но из этого факта необходимо делать правильные выводы. Сама религиозная идеология, будучи отражением феодальных отношений, олицетворяет идею некоего духовного порядка: это означает, кроме всего прочего, что, в противоположность язычеству. Средневековое «общественное сознание» концентрируется вокруг неких абсолютных ценностей, носящих «вневременной» характер, в конечном счете, вокруг идеи бога. Нельзя не видеть совершающихся здесь важных процессов концентрации и универсализации идеальных форм культуры, становления обобщенных смыслов и понятий.

Своеобразие средневековой культуры проявляется на уровне базовых категорий, в первую очередь таких, как пространство и время. Временные представления Средневековья – это прежде всего представления замкнутого социума, который регулируется периодическими процессами, связанными с природой, производственным, прежде всего, сельскохозяйственным, циклом, цикличностью праздников, будней, различными формами обрядности. Без понимания глубокого своеобразия времени средневековой культуры, его отличия от привычных форм, не может быть постижения особенностей той эпохи [5]. То же самое относится к любым формам общественного сознания: искусству,

философии, религии, науке. Средневековая наука – совсем не то, к чему привыкли мы. Она – порождение принципиально иных социальных и духовных условий, она отражает другой тип мировоззрения, по современным меркам, совсем не «научный». Просветительская идеология все, выходящее за ее рамки, рассматривала как ложное. Но нужно действительно обрести историческое чутье, чтобы понять, например, что алхимия – это не просто уродливый и несовершенный зародыш химии, а особый способ добывания знаний, тип мировоззрения, в основе которого – отношение к миру как к тайне, которую надо раскрыть, причем вся природа при таком взгляде видится как совокупность явлений, за которыми скрываются мистические глубины [6].

Только там, где средневековая культура понимается в ее своеобразии, открываются возможности постижения смысла. Именно такое понимание позволило Д. С. Лихачеву открыть богатый мир русского Средневековья, с его человеком, формами общения, искусством – всем тем, что мы понимаем под культурой. Здесь культурологический анализ искусства перерастает в универсальный анализ культуры. Художественное начинает объяснять общекультурное, общекультурное открывает ход к художественному. Мир древнерусской литературы, открытый Д. С. Лихачевым, – это ставший *понятным* мир Древней Руси. При этом и сама литература рассматривается не просто как вид искусства, а в самом прямом и непосредственном смысле как отражение общественного бытия русского человека прошлых эпох. Интересно, что такого рода «внутрикультурные» исследования на базе литературы проводятся в терминах *исторической поэтики* [4].

Все более важной для современного сознания выступает эпоха Возрождения. Не говоря уже о том, что это был грандиозный рывок в историческом развитии человечества, именно Возрождение выступает как истинный исток новоевропейской культуры в плане экологическом, политическом, социальном и духовном. В эпоху Ренессанса возникает город, а следовательно, первые, еще зачаточные формы урбанизма. В эпоху Ренессанса возникает гуманизм как течение жизни и мысли. В период Возрождения появляется такое социокультурное явление, как интеллигенция. Вообще на первый план выдвигается человек, безграничные возможности личности. Переосмысление многих сторон истории культуры, характерное для последних десятилетий, затронуло эпоху Ренессанса в высшей степени. Во-первых, Возрождение (мы

берем только Европу) отнюдь не возникло из ничего. Оно совсем не было черно-белым контрастом по отношению к Средневековью. Конечно, сами возрожденцы всячески подчеркивали свое отличие от предшественников и для того, чтобы рельефнее высветить это отличие, самосознавали себя как преемников Античности. Но глубоко прав А. Ф. Лосев: «Как бы ни было велико воздействие античности на Возрождение, сказать, что эта эпоха есть возрождение античности – значит, ничего не сказать» [7]. Лосев подчеркивает при этом преемственность Возрождения по отношению к Средневековью: «Нам представляется, что огромную роль играло в эпоху Ренессанса не абсолютное отрицание Средневековья, но скорее превращение его в эстетический феномен» [7].

Возвращение к «земному», к «природе», к телесному человеку безусловно совершалось, но оно было процессом сложным, противоречивым и, главное, преемственным по отношению ко многим сторонам культуры Средневековья. Демонстрация глубинной противоречивости культуры, наличие в ней потаенных сопряжений тела и духа на материале исследования внутреннего «карнавального пласта» Средневековья – важнейшая заслуга М. М. Бахтина в его знаменитой книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса». Эту подспудно вызревавшую в ее недрах тенденцию и наследовало европейское Возрождение. Возрождение утверждало человека, освобождало его. Но освобождался человек-индивидуалист. «На место бога» ставил себя не социальный человек, но самодостаточный индивид, характерной чертой которого была жажда индивидуального самоутверждения. Именно эта жажда стала мощным мотором, раскрутившим маховики творчества в философии, науке, культуре, в путешествиях, в созидании форм общения. Отсюда знаменитый возрожденческий титанизм, небывалый в истории взлет человеческого духа, мощь деяния. Но жизненное индивидуальное творчество амбивалентно. Если у личностей крупных, обладавших высокой духовностью, энергия уходила в творение культуры, то (дадим опять слово А. Ф. Лосеву) «у людей, настроенных не столь отвлеченно философски, широта и размах проявлялись в виде эгоистического самоутверждения, в виде стремления освободиться от слишком строгих моральных традиций. Наконец, освобождение от уз и ограничений морали часто приводило человека к разного рода безумным страстям, легко переходившим в область преступ-

лений и внутренне освобождало его для всякого рода коварства, вероломства, жестокости и упоения своими стихийными аффектами, не знавшими никаких границ» [7].

Совершенно особое место занимает в эпоху Ренессанса искусство. Оно – и познание жизни, сродни науке, скрупулезное исследование бытия, и всеобщий синтез сознания, оно – весь мир и вся Вселенная, охваченная эстетическим переживанием. Отсюда совершенно исключительная роль художника, пронизанность эпохи высоким артистизмом. Все Возрождение в целом – своеобразное произведение искусства. Видя творчески-гуманистическую сторону Возрождения, нельзя забывать его «обратной стороны», вообще тех пластов культуры, которые прошли, по выражению С. С. Аверинцева, «на рационально не выявленных коллективных переживаниях», отличались диспропорцией между потенциально-творческими возможностями и способностью их реального осмысления в русле осознанных идей. Для теории культуры способность видеть «обратную сторону медали» играет очень значительную роль. В этом проявляется реальный диалектический драматизм развития человеческого общества.

Мы рассмотрели нашу тему лишь на трех примерах. Культурно-исторические типы в современном сознании – проблема необозримая. Наша задача была лишь проиллюстрировать ее на ряде конкретных примеров. Далеко до полной ясности с самой культурно-исторической типологией [3], хотя некоторые типы (наподобие отмеченных выше) выделяются более или менее ясно. Дело осложняется тем, что понятие культурно-исторического типа не тождественно понятию общественно-экономической формации. Культурно-исторический тип может совпадать, а может и не совпадать с последней. Поэтому так сложен даже самый общий культурологический анализ XVII–XIX вв., тем более XX века. Ведь внутри общих культурно-исторических типов (а порой рядом с ними) выделяются целостности иного порядка, характеризующие обширные пласты культурного сознания (Просвещение, Романтизм), те или иные явления истории культуры. В иных случаях хронологический принцип вообще может не работать, ибо возникает необходимость характеризовать явления, проходящие свою эволюцию, свои стадии развития, в том числе и в различных конкретно-исторических условиях. Что уж говорить о сложнейшей культурной мозаике XX века, когда творческое сознание пы-

тается возродить и использовать вообще все, что существовало когда-либо в прошлом человечества, да и само понятие прошлого стремится сделать «относительным»!

Давно зреет необходимость найти глубинные основания для членения истории и современности культуры. Они, на наш взгляд, – в дальнейшей разработке категории общественно-экономической формации, освобождении ее от узкого «экономизма» и прямолинейного «социологизма». Категория общественно-экономической формации нуждается в «дистраивании» ее учением о культурных, идеально-духовных, личностных структурах, о своеобразных и вместе с тем отражающих общественное бытие духовных формах. Теория *общественно-экономических формаций* должна быть дополнена теорией *культурно-исторических формаций*. Вообще говоря, выход за райски исключительного исследования только «духовных» или только «материальных» предпосылок характерен для современной культурологии. Она как раз и пытается найти ту связующую нить, которая соединяет воедино духовное и материальное, исследуя культурно-историческое явление и как событие жизни и как событие сознания [8].

Так, например, громадный культурно-исторический мир, во всех отношениях очень важный для нас, открывается нам в понятии Романтизма. Совершенно ясно, что это не просто «исторический этап», период в развитии литературы или даже философии (естественно, превзойденный последующим историческим развитием), определенный «тип сознания». Конечно, и то, и другое, и третье. Но прежде всего – величайший духовный пласт истории, богатейшее, далекое от окончательной разгадки явление, интереснейшая тема современной науки, насущная проблема XX века. Классические работы, посвященные романтизму, принадлежат Н.Я. Берковскому, к книгам которого мы отсылаем студентов:

Сюжетов, относящихся к проблеме «образы истории культуры в современном сознании», повторяем, неисчерпаемое множество. Студентам, собирающимся заниматься теми или иными проблемами в этой области, работы хватит. Культурологическое прочтение истории и культурно-философский синтез на базе такого прочтения – одно из наиболее перспективных направлений современной науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстых В.И. *Сократ и мы*. М., 1986.
2. Рожанский И.Д. Развитие естествознания в эпоху античности. М., 1979
3. Шор Ю.М. Очерки теории культуры. СПб., 1989.
4. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977
5. Гуревич Л. Я. Представления о времени в средневековой Европе // История и психология. М, 1971.
6. Рабинович В. Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979.
7. Лосев А.Ф. Исторический смысл эстетики Возрождения // Эстетика и жизнь. Вып. 7. М.,1982.
8. Бахтин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М., 1978.

*Филиал Ухтинского государственного
технического университета*

21 ноября 2011 г.